

1. Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, посвященный проблемам изучения индоевропейских числительных. Как хорошо известно, этот раздел сравнительной грамматики и этимологии имеет богатейшую традицию изучения. Особенно следует выделить такие обобщающие труды, как работы Шерцля, Шлейхера, соответствующий раздел компендиума Бругмана и монографию Семерени [Шерцль 1870; Шлейхер 1866; Brugmann 1897–1916; Szemerényi 1960]. Данный сборник продолжает именно эту линию исследования, являясь самым полным на сегодняшний день сводом данных, касающихся и.-е. числительных.

2. Сборник состоит из 17 глав и логически делится на три части: первая глава посвящена общетеоретическим проблемам. По словам редактора (Я. Гвозданович), в ней предпринимается попытка связать сравнительно-историческую традицию изучения числительных с последними теоретическими достижениями в этой области. Во второй главе В. Винтер рассматривает числительные и.-е. праязыка. Особое внимание уделяется проблеме мотивированности числительных первого десятка, пересматриваются некоторые гипотезы (происхождение пяти и десяти от слов со значением “рука”, девяти – от корня со значением “новый”, шести – от “расти, увеличиваться” и т.д.), некоторые из них (например, мотивация девяти как “нового” числа) признаются недостаточно обоснованными; обсуждается существование четверичной системы счета, предшествовавшей децимальной; рассматривается возможность существования обозначений десятков уже в и.-е. праязыке. Остальные пятнадцать глав посвящены развитию числительных и.-е. праязыка в исторически засвидетельствованных группах языков – от первых письменных фиксаций до современного состояния, причем определенное внимание обращается и на реконструкцию общеиндоевропейского состояния. Большинство статей этой части имеет одинаковую структуру, что облегчает восприятие и объединяет их в единое целое. Эта часть сборника характеризуется практически исчерпывающим привлечением материала: описаны все группы и.-е. языков (кроме иллирийской), а внутри групп не только литературные языки, но и основные диалекты древней, средней и новой ступени. Однако в данном случае наблюдается и некоторая неравномерность в описании: так, с исчерпывающей полнотой (в трех главах) представлены индоарийские язы-

ки (др.-индийский – Р. Эммерик, ср.-индийские – К. Норман, современные индийские языки и диалекты – Г. Бергер), а также иранские (Р. Эммерик), германские (А. Росс-Я. Берн), итальянские и романские (соответственно – Р. Колеман и Г. Прайс), хетто-лувийские (Х. Айхнер), тохарские (В. Винтер) и балто-славянские (П. Комри) языки, в то время как греческий (Ф. Ваандерс) и кельские (Д. Грин), а также армянский (В. Винтер) представлены соответственно почти исключительно – др.-греческим (хотя, надо отдать должное автору, с привлечением всего существенного диалектного материала), др.-ирландским (остальные языки этой группы описаны слишком конспективно) и грабаром. Особенно стоит отметить работу Э. Хэмпла, проясняющую многие спорные моменты в сложной истории албанских числительных.

Предметом рассмотрения в статьях сборника являются все виды числительных, а также счетные существительные и некоторые местоимения. Подробно описывается образование сложных и составных форм, грамматические и акцентные характеристики членов этого класса слов, системы счета. Особенно удачным представляется раздел, посвященный системам счета в главе “Романские числительные”, в котором сводятся и критически пересматриваются попытки объяснить причины возникновения вигезимальной системы счета в этих языках (ср. [Эдельман 1975].) К сожалению, авторы разделов, посвященных отклонениям от десятичной системы счисления в других языках (иранских, балто-славянских, кельтских, германских), ограничиваются в лучшем случае лишь приведением соответствующего материала и ссылками на стандартные руководства. В статье же “Албанские числительные” существование вигезимальной системы счета даже не упоминается и формы типа *dyzét* “40”, *trezét* “60” при *nëzét* ~ *izét* “20”, *dy* ~ *du* “2”, *tre* ~ *tri* “3” остаются необъясненными.

Необходимо подчеркнуть, что авторы сборника считали своей основной задачей именно приведение фактического материала и его интерпретацию на основании наиболее надежных, проверенных временем теорий, а не выдвижение новых гипотез, однако в книге, как и в любом исследовании столь высокого уровня, содержится и ряд новых, интересных предложений.

3. Так, например, очень удачное объяснение получает в трактовке В. Винтера элемент *-e, содержащийся в *penk̑e “5”, который

всегда вызывал большие затруднения (ср., например, точку зрения Э. Поломе, который писал: "... вряд ли возможно объяснить каким-либо надежным способом конечное *-е в *penk^he, исходя из регулярных парадигм индоевропейских формо- и словообразовательной систем" [Polomé 1968]. В. Винтер объясняет *-е как элемент, введенный для облегчения произношения группы -nk^h в абсолютном конце слова, основываясь на том факте, что *-е отсутствует во всех достаточно древних производных от корня *penk^h-, где -nk^h находилось в инлауте.

Исключительно интересной представляется и мысль А. Айхнера о том, что первоначальное соотношение основ *d^hyo- и *d^hyi- для "двух" было близко соотношению основ *k^ho- и *k^hi- в вопросительном местоимении. Очевидно, она была выдвинута независимо от Г. Дункеля, который приводит значительно большее число примеров супплетивизма i ~ o в частицах [Dunkel 1982–1983; Дункель 1992; Топоров 1975]. Данная мысль органически вписывается в общую тенденцию найти в числительных 1–2 местоименное происхождение, которая проявляется в попытках выявить местоименное происхождение путем этимологического анализа (Бопп, Бугге, Йенсен, Оранская), стремлении обнаружить семантическую близость между употреблением "двух" в сочетании с двойственным числом и значением некоторых местоимений (Гонда) либо, напротив, в признании вторичности употребления *d^hyo-/ *d^hyi- как множественного числа (образованного по местоименному типу) (Вильяр). К сожалению, в работе А. Айхнера не учитывается ни одна из этих гипотез, что не дает автору проникнуть в семантическую основу собственного сопоставления (так, соотнесение основ с i ~ o признается им неисследованным, но см. [Топоров 1975]).

Попутно заметим, что то же замечание – а именно недоучет семантики – можно сделать и к описанию Б. Комри процесса образования славянских количественных числительных 5–9, которое целиком основывается на исследовании О. Семереньи. При этом не учитывается интересная статья А.Е. Супруна [Супрун 1969], где вскрываются семантические причины описанных О. Семереньи формальных преобразований. Заслуживает также самого пристального внимания раскрытие В. Винтером внутренней формы тох. В *uwār "середина; между" (содержащегося, например, в uwārttac "commander of the central region") как "между групп, каждая из которых состоит из двух (предметов)". Это слово, а также тох. В

epinkte (epinte) "между", буквально "в пятом месте" (т.е. в положении, добавленном к четырем основным точкам), являются первыми надежными языковыми примерами тесной взаимосвязи "двух" и "четырех" (к выражению данных понятий через "два" ср. хотя бы англ. *between*), которая очень широко представлена в мифологических представлениях. Как известно, пространство мыслилось индоевропейцами как четырехчастное, четырехстороннее и четырехугольное, что отразилось и в буддизме, бывшем официальной тохарской религией.

4. Однако необходимо отметить, что далеко не все решения авторов сборника выглядят достаточно убедительными.

Так, методологически неудачной должна быть признана попытка Колемана объяснить возникновение суффикса *-ti, использующегося для образования собирательных числительных, исходя из *wik^hnti "2 десятка", т.е. формы двойственного числа консонантной основы *dk^homi- "десятка", т.к. сам показатель двойственного числа консонантных основ настолько различается в исторически засвидетельствованных языках, что любая реконструкция [в данном случае *-i выводится из соотношения: *-o-m (единственное число основ на -o среднего рода): *-o-i – двойственное число 0 – ед.ч. консонантных основ среднего рода: *-i – двойственное число] его праи.-е. формы будет заведомо чрезмерно гипотетичной (это отчасти признает и сам Колеман). Поэтому и любые построения, базирующиеся на той или иной реконструкции этого окончания, будут совершенно неубедительными, как и любое объяснение неизвестного через неизвестное.

Излишни также сомнения Х. Айхнера по поводу употребления теи- в хеттском в качестве обычного количественного числительного (сам он настаивает на собирательном значении) (см. по этому поводу [Топоров 1983: с. 112–113]). При этимологизации этого анатолийского слова для "четырех" было бы полезно учесть исключительно важную работу [Топоров 1983], существенно расширяющую и углубляющую традиционные представления, поэтому лишь упоминается иероглиф. лув. *тиа* "сила", игнорируется его тесная формальная и семантическая связь с анатолийским числительным.

Недостаточно убедительной представляется также попытка опровергнуть практически общепринятое положение, согласно которому праи.-е. язык обладал четверичной системой счета: и.-е. *ok^hi^hdi "8" содержит не более чем намек на систему или подсистему, в которой

при обозначении не простых чисел могло употребляться умножение, а **neu* (реконструируемое в данном случае как **Hneu*) “9” не имеет этимологической связи с **neu* “новый” из-за начального ларингала (реконструируемого на основании протетических гласных др.-греческого и армянского языков). Однако следует заметить, что протетические гласные, происхождение которых и по сей день остается дискуссионным, никак не могут служить надежным основанием для реконструкции ларингалов и, тем более, являться единственной причиной отрицания весьма вероятной мотивации “девятки” как “нового числа” [Макаев 1970; Герценберг 1980]. Куда более плодотворной кажется мысль В. Винтера о том, что общ.-е. **neu* (интерпретируемое как локатив основ на *-n* с нулевым показателем) в др.-греческом и армянском было “усилено” префиксом **en-* – с сохранением древнего значения “in the new” (ср. др.-греч. ἐννέα, арм. *inn* “9”), хотя и данное объяснение не снимает всех проблем. Не менее существенно утверждение о том, что материал, предоставляемый и.-е. языками, недостаточен для постулирования четверичной системы. Следует подчеркнуть, что мы имеем дело с реликтами четверичной системы, сохранившимися уже в пятиричной и десятиричной системах счисления и именно по этой причине дополнительными по отношению к ним. И эти следы другой системы на первый взгляд неотличимы от вторичной, с самого своего возникновения дополнительной, подсистемы счета. В явном, одном из языков киранти, входящих в тибето-бирманскую семью, “четыре” выражается как “3+1” при десятичной системе счисления в тибето-бирманских языках (со следами пятиричной системы), в ряде языков киранти замененной квинарной. Таким образом, тут ясно видна вторичность системы счета, основанной на трех. При таком положении дел особое значение приобретают любые дополнительные факты, которые могут убедительно продемонстрировать вторичность одной и архаичность другой систем, т.к. само по себе этимологизирование восьми как “4 × 2”, а девяти как “нового числа” необходимо и достаточно с типологической точки зрения для постулирования четверичной системы счета. Как нам представляется, такие факты есть и свидетельствуют они совершенно однозначно в пользу четверичной гипотезы: 1) четкая граница между “4” и “5”, находящая отражение и в морфологии, и в культурном контексте, никак не объяснима при признании вторичности четверичной

системы; 2) семантика “четырех” характерна именно для кватернарных систем – ср. весьма вероятное происхождение и.-е. **okto-* “четыре” от слова со значением “рука” (авест. *ašti*), которое лишь позднее, в эпоху существования десятичной системы, приобрело значение “ширина четырех пальцев, ладонь”. В этом плане типологически показательно развитие анатолийского **mei-* “четыре” [Menninger 1977; Топоров 1983: 121].

Не может быть принято как единственно возможное и предлагаемое Э. Хэмпом возведение албанских количественных числительных 6–9 именно к и.-е. собирательным числительным на **-ti*. Дело в том, что, как пишет сам Хэмп, и.-е. суффикс **-ti* женского рода был заменен на **-tā (>-tē)* в албанском и, следовательно, албанский суффикс *-tē* ж.р. может отражать как и.-е. **-ti*, так и и.-е. **-tā*. В данном случае важно то, что и албанский материал, как и материал других и.-е. языков, не может быть однозначно истолкован как свидетельство в пользу существования суффикса абстрактных числительных **-ti*. И в настоящее время при большой сложности объяснения употребления предполагаемого суффикса **-ti* в числительных (обычно он используется для образования абстрактных существительных от глаголов) было бы разумнее вслед за Семереньи постулировать для праязыка (или по крайней мере для ряда диалектов) образование на **-sti* (др.-инд. *pañkti* “группа из пяти”, русс. пясть, англ. *fist* “кулак”) и на **-tā* (алб. *gjashtë* “6”, *shtatë* “семь”, др.-северные образования типа *fimt* “пятерка” и т.п.) [Szemerényi 1960: 107].

Нисколько не убеждает попытка Р. Эмерика (впрочем ни в коей степени не новая) оперировать **ok-*, извлеченным из др.-инд. *aṣṭi* “восемьдесят”, как первоначальной формой и.-е. числительного “четыре”, т.к. *aṣṭi* – одна из немногих форм, где диссимилятивная утрата именно *-t-* вполне объяснима (**ok'tūt > aṣ i ti*) (по поводу этимологии этого слова см. [Маковский 1992]).

5. В заключение можно заметить, что, несмотря на некоторые спорные или даже недостаточно обоснованные решения (которых совсем немного), книга является уникальной энциклопедией и.-е. числительных, сводящей воедино не только бесчисленные языковые факты, но и основные точки зрения на особенности их развития, часто разбросанные по малоизвестным или малодоступным изданиям. Особенно следует подчеркнуть ценность создания целостной картины развития и.-е. числительных на протяжении

5–6 тысячелетий. Таким образом, по нашему глубокому убеждению, она прочно войдет в будущее в научный и учебный обиход, стимулирует новые исследования в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герценберг Л.Г.* 1981 – Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981. С. 104–106.
- Дункель Г.* 1992 – Грамматика частиц // Вопросы языкознания. 1992, № 5. С. 20.
- Макаев Э.А.* 1970 – Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970. С. 148, 175–176.
- Маковский М.М.* 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992. С. 162.
- Супрун А.Е.* 1969 – Системность лексики и этимологии // Этимология 1967. М., 1969. С. 90.
- Топоров В.Н.* 1975 – Прусский язык. Словарь. А–Д. М., 1975. С. 342–343.
- Топоров В.Н.* 1983 – К семантике четверичности (анат. *теи-* и др.) // Этимология 1981. М., 1983.
- Шерцль В.И.* 1870 – Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей. Харьков, 1870.
- Шлейхер А.* 1866 – Темы имен числительных (количественных и порядковых) в литово-славянском и немецком языках // Зап. Импер. Академии Наук. 1866. Т. 10. № 2. Приложение.
- Эдельман Д.И.* 1975 – К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ. 1975, № 5.
- Brugmann K.* 1897–1916 – Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd 1–2. 2 Aufl. Strassburg, 1897–1916.
- Dunkel G.* 1982–1983 – IE conjunctions: pleonasm, ablaut, suppletion // KZ. 1982–1983, Bd 96. S. 187, 197.
- Menninger K.* 1977 – Number words and number symbols. Cambridge (Mass.); L., 1977. P. 22–29.
- Polomé E.* 1968 – The IE numeral for “five” and Hittite *panku* “all” // *Pratidānam*. Indian, Iranian and IE studies presented to F.B.J. Kuiper on his sixtieth birthday. The Hague; P., 1968. P. 101.
- Szemerényi O.* 1960 – Studies in the Indo-European system of numerals. Heidelberg, 1960.

А.В. Сидельцев